

Этика «цифрового общества»: новый конфликт или новый баланс*

А. Н. Сунами

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Сунами А. Н. Этика «цифрового общества»: новый конфликт или новый баланс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 544–556. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.311>

В статье исследуются конфликтная и балансная перспективы этической рефлексии вызовов цифровизации. Опираясь на попытки концептуализации цифрового общества Мануэля Кастельса, Тома Редшоу, Мэри Чейко, теорию коммунальных и некоммунальных конфликтов Джорджа Симпсона, этику технологий Джозефа Питта и Петера-Поля Вербека, автор приходит к выводу, что цифровое общество действительно представляет собой специфическую модель отношений со все возрастающей связанностью и скоростью обмена, которая тем не менее осуществляет себя в логике ранее установленного и сущностно не изменившегося социально-экономического уклада. Вместе с тем последовательно расширяющаяся цифровая интервенция в пространство ценностно окрашенных человеческих интеракций делает очевидной необходимость этической рефлексии цифровизации, которая должна реализовать себя не в качестве экспликации цифровой этики как новой морали, но посредством приспособления уже существующего корпуса теоретической и прикладной этик к условиям цифровой эпохи. В этом контексте особое внимание уделяется конфликту ценностей как доминирующему способу обновления этических положений и достижению нового морального баланса, позволяющего эффективно адсорбировать противоречия, вызываемые цифровизацией. В статье показывается, что такого рода конфликты являются коммунальными, варианты их развертывания не содержат сценария структурного кризиса в силу достаточной эластичности зоны разногласий, позволяющей вместить большое количество компромиссных стратегий урегулирования. На основе выделенных базовых и субстанциональных характеристик цифрового общества авторы приходят к выводу, что скорость изменений, их алокальность будут способствовать развитию, а впоследствии и доминированию более гибких, нежели государственно-правовые регуляторы, форм этической институционализации результата инноваций.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое общество, мораль, этика, цифровая этика, конфликт ценностей.

Процессы построения «цифрового общества», в гуще которых мы находимся, не перестают ставить новые вызовы перед академическим сообществом, вынужденным рефлексировать те или иные новшества, сопровождающие дигитализацию экономики, политики, социальных отношений и прочих сфер жизни практически

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00220, <https://rscf.ru/project/23-28-00220/>

одновременно с тем, как они происходят. Такое всепоглощающее явление, по сути делающее заявку на «новое общество», «новую эпоху», обоснованность которой, правда, еще предстоит доказать, естественным образом формирует общественный запрос к философии, которая одна только и способна работать в гуманитарной сфере с такими «большими данными», дать свою интерпретацию рисков, которые несут в себе применяемые в обыденной жизни цифровые технологии, появление новых агентов взаимодействия и разных форм коммуникации. Внедрение в социальную и культурную жизнь цифровых платформ уже привело к более чем объемному комплексу проблем и конфликтов как в сфере ИТ, так и в построении межличностного взаимодействия в цифровом пространстве. Кроме того, под влиянием фактора цифровизации изменяется характер текущих ценностных (нравственных) конфликтов — наследия доцифровой эпохи.

Но прежде чем приступить к очерчиванию контуров новой этической нормальности хотя бы в пределах того размеченного пространства, которое к настоящему времени уже явно подверглось цифровой экспансии, необходимо дать обзор и классифицировать те наброски концепта «цифрового общества», которые появились в последние годы в научной литературе.

Очевидно, что первый и принципиальный пункт повестки дебатов, с которым мы неизбежно должны столкнуться, — это вопрос, существует ли «цифровое общество» где-то еще помимо умозрительных научных построений. Действительно, события, происходящие в течение более чем 35 лет с момента появления интернета, должны нас убедить в том, что цифровое общество — настоящее, что мы уже живем в нем. Новые профессии, новые образовательные программы или отдельные специальные курсы, международные, национальные или корпоративные планы — все, что посвящено цифровизации, наглядно иллюстрирует веру экспертного сообщества и лиц, принимающих решения, в реальность цифрового общества. Было бы довольно смелым объявить это ошибкой. Не подлежит никакому сомнению, что мы наблюдаем вполне наглядный процесс «оцифровки» материи и сознания. Вопрос состоит в другом: является ли наблюдаемое построением нового типа общества или речь идет лишь об обновлении, актуализации старого порядка? Том Редшоу (Tom Redshaw), основываясь на справедливой посылке, что любая попытка классификации обществ должна базироваться на изучении производительных сил и рационализации производственных процессов, задается похожими вопросами: «В какой степени регистрируемая в настоящее время человеческая деятельность, объединенная все возрастающим количеством устройств, сигнализирует о новой логике техно-социального развития, или это продолжающаяся рационализация общества? Порождает ли чистая скорость, с которой информация теперь может производиться и обмениваться, новые общественные отношения, или ускорение производства всегда было сердцевиной капитализма?» [1, p. 426]. Вряд ли в настоящее время мы можем дать исчерпывающий ответ на эти вопросы. Тем не менее ряд ученых выделяют некоторые элементы, позволяющие, на их взгляд, если сосредоточить на них фокус внимания, не только описать, но и увидеть субстанциональные изменения общества, которые несет с собой его цифровизация. Главным образом это, конечно же, связанность и скорость.

Мы считаем, что заслуживающая внимания попытка обрисовать модус субстанциональных изменений предпринята в исследовательской программе концептуа-

лизации цифрового общества Мэри Чейко (Mary Chayko), в которой она оперирует термином «суперсвязанность» (superconnected). По ее утверждению, связанность технологического общества будущего будет, вероятно, основываться на принципиально иных моделях общественного договора, далеких от традиционных солидаристских оснований, как то: разделение труда, общее благо и прочие техники интеграции, постулируемые в классических структурно-функционалистских теориях. В основе такой связанности будет лежать все более и более усиливающаяся слежка. Мы можем предположить, что методологические приемы, позволяющие вскрыть основания «общества взаимной слежки», могут быть обнаружены в смежной концептуальной области, а именно в теориях «общества риска». Подмеченная Ульрихом Бекком (Ulrich Beck) смена парадигмы общественного распределения с дистрибуции благ на дистрибуцию риска [2, р. 13] неоднократно и подробно описывалась нами в предыдущих работах [3], но, вероятно, через риск и риск-рефлексию будет относительно просто объяснить не технологическое, но этическое обеспечение, которое в будущем сделает слежку возможной и морально оправданной. Выделенная Мэри Чейко не слишком радостная перспектива может быть описана следующей схемой. Все более цифровизирующийся экономический уклад стимулирует развитие big data, что, в свою очередь, требует все более и более новых и интеллектуально совершенных технологий анализа информации. По мере их распространения возможность отказа от взаимодействия с ними редуцируется вплоть до абсолютно ничтожной вероятности полноценного участия в жизни общества, в диапазоне от государственных услуг до сексуальных отношений, за пределами опосредующих контакт цифровых алгоритмов, создаваемых и обслуживаемых внешними по отношению к социальному субъекту силами [4].

Здесь необходимо отметить, что академический интерес к проблеме тотального цифрового контроля экспоненциально растет и проявляет себя в освещении частных и чрезвычайно разных сторон новой экономической реальности. Это и исследования влияния цифровых производственных алгоритмов на «жизненные процессы» (life processes) водителей «Убер», приводящие к «фрагментации, изоляции и покорности» [5]; и технологии «цифрового самоотслеживания» на рабочем месте в частных энергетических компаниях, регистрирующие сон сотрудников [6], и лонгитюдное исследование внедрения автоматизации рабочих процессов в государственных учреждениях, конечный результат которого выходит за пределы изначальных целей и вступает в противоречие с реальной рабочей практикой [7], — десятки работ на подобные темы были написаны за последние годы.

В то же самое время есть ли у нас основания интерпретировать проблемы тотального контроля как принципиально новые вызовы? Разве Мишель Фуко (Michel Foucault) не описывает нечто подобное в своей классической работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы»? «Паноптикон обеспечивает даже средство контроля за собственными механизмами. Из центральной башни начальник может шпионить за выполняющими его распоряжения служащими: фельдшерами, врачами, мастерами, учителями, надзирателями. Он может постоянно судить об их действиях, изменять их поведение, навязывать им методы, которые считает наилучшими» [8, с. 299]. Не является ли «суперсвязанность» просто новым паноптиконом, в центре которого отныне находится не «салон короля», а серверные станции и программы-операторы данных? Не развивает ли она уже характерные в доцифро-

вую эпоху дисциплинарные техники на более совершенных началах, где объектом наблюдения являются уже не отдельно цех, казарма, тюрьма или школа, а общество во всей совокупности своих взаимодействий?

Далее мы еще вернемся к проблеме связанности в ее этическом осмыслении, так как и Мэри Чейко, и ряд других исследователей указывают на неоднозначность тренда на ценностную трансформацию под воздействием цифровизации.

Другой стороной, не менее важной, чем связанность, является скорость. Во многом именно драматически возрастающая скорость обмена породила целый комплекс подходов, провозгласивших разрыв с прошлой нормальностью. Именно на этом изменении во многом основывался Мануэль Каstellс (Manuel Castells) в своих выводах о технологической революции [9]. Модные ныне в академическом дискурсе концепты «четвертая промышленная революция», «посткапитализм» также базируются на констатации резкого ускорения социальных процессов. Конечно, нужно иметь в виду, что скорость и связанность составляют своеобразный методологический пакет. Именно на таком подходе основывается рефлексия социологического наследия, предпринятая в работе Джуди Вайкман (Judy Wajcman) и Найджела Додда (Nigel Dodd) «Социология скорости». Взаимная обусловленность связанности и скорости такова, что подчас сложно отделить одно от другого. Возникающие в прошлых точках бифуркации эпох новые формы связанности, например финансы, давали импульс увеличению скорости обмена, что, в свою очередь, конституировало связанность на принципиально ином уровне. Скорость, достигнутая благодаря цифровизации, приводит время к своему Абсолюту [10]. Иными словами, время становится величиной, отныне ничему не подчиненной. Том Редшоу называет это своеобразным отчуждением времени от смысла. «Время, как оно есть, сводится к головокружительной процессии непрерывных инноваций, направленных на неразличимое... мы должны неуклонно увеличивать темп жизни, чтобы быть более эффективными и продуктивными во имя прогресса, что не подвергается сомнению, как и неясность того, к чему мы движемся» [1, с. 429]. Каждое из представленных в «Социологии скорости» эссе чрезвычайно интересно в плане ревизии прошлого и настоящего социологии. Текущие процессы как бы опрокидываются в прошлое, связываются в единый непрерывный, всепоглощающий и ускоряющийся вне нашего контроля прогресс. Парадоксально (и здесь мы снова можем обнаружить подтверждение «коэзистенции» связанности и скорости), но ускорение процесса не освобождает время для нас самих. Другой стороной ускорения обмена должно было бы стать сокращение объема времени, затрачиваемого на обмен. В действительности же ускорение алгоритмов приводит исключительно к росту количества алгоритмов, в которых мы вынуждены участвовать, в силу той самой самовозрастающей связанности. Это в равной мере касается как экспансии социальных сетей в нашу частную жизнь, меняющих этический фрейм межличностной коммуникации в сторону обязанности быть всегда на связи, так и фактического стирания границ рабочего и нерабочего времени в производственных процессах «постфордистского труда», что отражается в изменении требований к «рабочей этике» сотрудника.

Но и скорость, как и ранее связанность, не дает повода категорически утверждать создание нового «цифрового общества» как чего-то неизмеримо большего, нежели просто модернизированная инфраструктура капитализма. Более того, идея

«цифрового общества», представляющая собой целый комплекс различных концептов — «транснациональный сетевой капитализм» Кристиана Фукса (Christian Fuchs) [11], цифровой капитализм Дэна Шиллера (Dan Schiller) [12], «виртуальный капитализм» Майкла Доусона (Michael Dawson) и Джона Фостера (John Bellamy Foster) [13] и др., — рождается из критики теории информационного общества как некоего принципиально нового уклада. Так, уже упомянутый выше Мануэль Кастельс, предпринявший, вероятно, самую монументальную попытку провести дескриптивный анализ мира, в котором мы начали жить, действительно утверждает, что мы наблюдаем установление общества нового типа. Но в то же время, как замечает Татьяна Науменко, «нигде прямо не говорит о приходе информационного общества, всячески стараясь откеститься от использования этого термина... предлагает называть современный этап функционирования общества “информациональным капитализмом”, подчеркивая тем самым как присутствие кардинально нового, так и преемственность» [14, с. 35].

Остановившись на таком компромиссном варианте принципиального нового, но капитализма, рассмотрим, какими особенностями наделяет его Мануэль Кастельс [15, с. 77–78].

Во-первых, информация становится сырьем новой эпохи и переворачивает связку информация — технология с ног на голову. Теперь технология воздействуют на информацию, а не информация на технологию, как прежде. Во-вторых, в отличие от предыдущих эпох, когда лишь некоторые, пусть и значимые, стороны нашего существования подвергались воздействию новых технологий, теперь, в силу интегральности информации, все без исключения индивидуальные и коллективные процессы оказываются в зоне поражения новым укладом. В-третьих, любая система или совокупность реализует себя в сетевой логике. В-четвертых, с сетевой логикой связана гибкость новой «информационно-технологической парадигмы». Эта особенность заслуживает отдельного внимания, к ней мы вернемся позже. И наконец, в-пятых, если в доцифровую эпоху мы наблюдали относительно изолированные друг от друга технологические траектории, то в новой реальности конвергенция технологий способна достичь невероятного уровня интеграции, в том числе и в духе прежде фантастических и все еще спорных трансгуманистических перспективах объединения в целостный комплекс органов человека и электронных девайсов [16].

Но вернемся к гибкости. Эта характеристика, выделенная Мануэлем Кастельсом, кажется невероятно значимой для выбранной нами темы. Более того, она позволит впервые коснуться проблемы конфликта и баланса. Итак, он пишет буквально следующее: «Процессы не только обратимы; организации и институты можно модифицировать и даже фундаментально изменять путем перегруппировки их компонентов. Конфигурацию новой технологической парадигмы отличает ее способность к реконфигурации — решающая черта в обществе, для которого характерны постоянные изменения и организационная текучесть. Поставить правила с ног на голову, не разрушая организацию, стало возможным, так как материальную базу организации теперь можно перепрограммировать и перевооружить» [15, с. 77]. Иными словами, фундаментальные изменения более не требуют разрушения прежней структуры организации, одновременно с этим реконфигурация на уровне компонентов способна радикально менять ее сущность. При этом автор предостерегает от поверхностной ценностной рефлексии сделанного им открытия,

говоря об амбивалентности гибкости, которая способна не только эмансипировать, но и закрепощать, «если те, кто переписывают правила, всегда у власти». Что же такая гибкость означает для морального сознания и ценностной системы?

Толкотт Парсонс (Talcott Parsons) в своих классических структурно-функционалистских построениях исходил из чрезвычайно важной роли культурной (ценностной) подсистемы, полагая, с одной стороны, что она обладает интегративным потенциалом и способна до известной степени сглаживать противоречия в правовой, политической и экономической сферах, с другой — что ее радикальное изменение под воздействием социально-экономических факторов приводит к структурному кризису и в конечном счете слову всего прежнего общественного порядка [17]. Между тем, если распространить выделенную Мануэлем Кастельсом гибкость с организационно-технологического уровня на уровень ценностей, можно констатировать, что новая цифровая реальность позволяет относительно незаметно делать нравственным то, что прежде маркировалось как безнравственное, не меняя базовую моральную систему. В таком случае особенности нового уклада предполагают скорее постоянную и быструю трансформацию ценностных вызовов в новые балансы, нежели их сваливание в конфликт. Здесь мы можем снова вернуться к высказанной ранее мысли о том, что увеличение темпа инновации приводит к отодвиганию смысла преобразований на периферию рефлексии, соответственно, и мораль как нечто, очевидно, относящееся к области смысла, постепенно должна будет пасть жертвой этого вихря.

Тем не менее так как экспансию цифры мы вряд ли можем считать дошедшей до своего абсолютного предела, взаимодействие старых и новых версий моральности все еще должно происходить. И здесь необходимо перейти к анонсированному выше анализу суперсвязанности, в смысле того, сколь радикально она способна воздействовать на моральное сознание. Неоднократно упомянутая нами Мэри Чейко, очевидно, воспринимая суперсвязанность как вызов доцифровой этике, тем не менее демистифицирует некоторые невероятно гиперболизированные констатации полного низвержения новыми цифровыми медиа прежних моральных и политических структур. Речь идет о таких феноменах, как, например, фейк, флейминг и, особенно, секстинг (sexting), критическому разбору которого посвящена работа Феоны Эттвуд (Feona Attwood) «Секс-медиа». Согласно ее выводам, моральная паника, вызванная инцидентами, связанными с секстингом, т. е. отправкой изображений обнаженных мужчин и женщин посредством мобильных устройств, нуждается в ревизии. Действительно, сложно игнорировать тревогу относительно такого рода информационного обмена, который зачастую сопровождается травлей и шантажом, приводящим в том числе к самоубийству жертв секстинга. Тем не менее автор указывает на то, что такого рода обмен вполне характерен и для «стабильных отношений», в которых он не вызывает никакой фрустрации, соответственно «проблемы вызваны не отправкой и получением изображений, а преследованием и издевательствами, неспособностью взрослых и учреждений защитить молодых людей, а также обвинением девушек, чьи изображения распространяются без их согласия» [18, р. 54]. Такой же авторской ревизии подвергается и бытующее мнение о том, что новое цифровое окружение быстрее «сексуализирует» молодых людей, в то время как последние исследования фиксируют снижение сексуальной активности молодежи.

По крайней мере, и Мэри Чейко, и Феона Эттвуд демонстрируют относительную уверенность в том, что морально окрашенную тревожность относительно цифровой экспансии должен вызывать не умозрительный сдвиг границ морально одобряемого действия, который пока еще никем убедительно не зарегистрирован, а то, что наличествующие «доцифровые» институты оказываются неэффективными в нейтрализации негативных последствий цифровизации. В то же время нет сомнений в том, что существующие системы не утратили своего адсорбирующего потенциала, а возникающие ценностные коллизии обусловлены лишь суммарным объемом новых феноменов, что не позволяет оперативно их интерпретировать, классифицировать, соотносить с той или иной нормой и тем самым запускать применительно к ним существующие регуляторы. Вместе с тем нет повода считать, что сохраняющаяся способность переваривать все новые и новые вызовы обусловлена гибкостью уклада по Мануэлю Кастельсу или поглощением скоростью смысла по Тому Редшоу. Вероятнее всего, нормативный фрейм пока еще остается достаточно широким для того, чтобы цифровая экспансия могла осуществлять себя внутри него достаточно свободно, по крайней мере в своей краткосрочной амплитуде.

Являющийся магистральным для современной теории конфликта подход, по крайней мере в своей структуралистской версии, однозначно указывает на то, что разрушение существующей и зарождение новой социальной структуры вместе с ее идеологической моральной надстройкой становится вероятным даже не в момент исчерпания старой структурой своего ресурса изменений, а в точке осознания человеческими агентами социальных сил невозможности дальнейшей реализации самовозрастающего потенциала в привычных границах с последующим организационным оформлением и принятием стратегии действий по изменению status quo. В этой оптике поиск новой цифровой этики кажется чрезмерно преждевременным, если только речь идет не о «новой морали», а о «дополнительном томе» приложений и комментариев, касающихся применения существующих норм к новой цифровой реальности.

Указанное отнюдь не означает отсутствие конфликтов ценностей, возникающих и манифестируемых в связи с цифровизацией, как таковых. Речь идет о масштабе и энергии этих конфликтов. Согласно Джорджу Симпсону (George Simpson), конфликты можно разделить на коммунальные, т. е. конфликты на основе базовых ценностей, и некоммунальные, где наличие общих, разделяемых всеми сторонами ценностей подвергается сомнению. «Когда люди утверждают свои различия на основе единства, налицо коммунальный конфликт; когда они утверждают свои различия ценой единства, налицо некоммунальный конфликт», — пишет он [19, p. 4]. Основываясь на всем вышесказанном, можно с определенной уверенностью предположить отсутствие убедительных аргументов, позволяющих спрогнозировать наступление в видимой перспективе некоммунального конфликта, обусловленного несовместимостью цифровых и нецифровых ценностей. Вместе с тем множество коммунальных конфликтов, возникающих на основе необходимости нового прочтения прежних моральных консенсусов как реакции на очередную цифровую инновацию или ее последствия, являются даже не вероятной, а вполне актуализированной действительностью. Конечно, это не сводит к нулю возможность того, что нечто вероятно и без должных на то оснований будет объявлено ниспровергающим

сами основы общественного договора, а какой-нибудь кажущийся сейчас незначительным тренд действительно приведет к конституированию нового порядка.

Также необходимо заострить внимание на том, что коммунальность конфликтов отнюдь не делает их незначительными. Уровень их интенсивности и насильственности может быть чрезвычайно высок, а обесценивание их значимости для манифестирующих сторон не позволит анализировать их должным образом. Тем не менее, руководствуясь признанной конфликтологической максимой, что лучше множество мелких конфликтов, чем один большой, мы скорее должны обратить внимание на позитивные функции коммунальных конфликтов ценностей, обусловленных цифровизацией.

Для этого нам необходимо вернуться к дилемме, вынесенной в заглавие: потенциал нового конфликта или нового баланса превалирует в конституировании этики цифрового общества? Напомним, что когда мы первый раз приблизились к постановке этого вопроса, маятник нашего заключения качнулся в сторону баланса. Ибо, с одной стороны, увеличившаяся до рекордных значений скорость общественных процессов просто не позволяет сосредоточиться в одной коммуникативной точке объема энергии, достаточному для того, чтобы конфликтная процедура в полном своем объеме и богатстве стадий дошла до этапа прямого столкновения. С другой стороны, невероятная гибкость цифрового общества кардинально меняет тактику сохранения резистентности, когда моральные установки уже не отражают брошенные им вызовы, а оперативно пересобирают этот вызов, доводя его до степени полного соответствия себе, прежде чем кто-либо успеет заметить выкристаллизовавшуюся несовместимость.

Правда, это касается некоего гипотетического будущего. Но и в плане настоящего мы скорее также приходим к балансу, но в несколько иной логике развертывания аргументов. Необходимо отметить, что позитивные изменения, которые несет в себе цифровизация, остаются как бы за скобками актуальной общественной дискуссии, воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Технологический романтизм, характерный для индустриальной эпохи, связанный с подчинением, а затем и преодолением человечеством ограничений, налагаемых на него природой, сменяется преобладанием тревожных настроений касательно будущего, оформлением оппозиции техническому прогрессу, необходимостью спасения человека через возвращение к архаичным рефлексивным установкам, скепсису относительно научных достижений, что особенно ярко проявилось в общественном дискурсе в период последней пандемии [20]. Таким образом, не будет слишком смелым предположение, что конфликтные, а не кооперативные стратегии будут доминирующими в цифровом дискурсе. Но парадоксальным образом посредством последовательного урегулирования череды разного уровня сложности конфликтов, манифестируемых и обусловленных фрустрацией цифровыми вызовами, будет выстроен путь к новому балансу, одной из существенных компонент которого должна стать цифровая этика. И здесь мы подходим к последней теме настоящего обзора — что же есть такое цифровая этика.

В академической дискуссии относительно цифровой этики довольно распространенной является категоричная позиция, емко сформулированная, в частности, Антоном Ивановым: «...никакого специального понятия цифровой этики не нужно, — это обычная этика, только в цифровой сфере» [21, с. 67]. В целом это

суждение вполне соотнобразуется с выводами, сделанными нами ранее. Более того, доцифровая ДНК цифровой этики уже была фактически нами постулирована. Тем не менее вернемся к этому вопросу и разберем его более тщательно.

Как замечает Яна Мишич (Yana Mišić), этика технологий за последние несколько десятилетий сформировалась как бы сама собой [22, p.176]. Иными словами, мы уже имеем некий феномен в виде корпуса этических положений в отношении цифровых объектов. И этот этический корпус тоже является определенным вызовом цифровизации. Дабы не возникало путаницы, стоит отметить, что контент большинства сложных вопросов, составляющих этически окрашенный дискурс вокруг цифры, наследует многим поколениям дебатов относительно этики технологий, наиболее существенной из которых видится проблема ценностной нейтральности технологий. В обзорной статье Джозефа Питта (Joseph Pitt) обрисован общий фрейм этой дискуссии, выраженный в вынесенное в заглавие проблемное суждение: «Убивает не оружие, убивают люди». Суть этого тезиса, согласно автору, такова: сами по себе технологические артефакты не имеют ценностей, они в них не встроены и не содержатся [23]. С одной стороны, необязательно обладать компетенциями морального философа, чтобы предположить интуитивно, что никакая полемика по вопросу, может или нет некая технология выступать моральным агентом, невозможна. Это, однако, не закрывает вопрос о допущении морального измерения технологий. Как пишет Петер-Поль Вербек (Peter-Paul Verbeek), автор теории технологического посредничества, «квалификация в качестве морального агента требует наличия, по крайней мере, интенциональности и некоторой степени свободы. Что касается искусственных объектов — соответствие обоим этим требованиям проблематично» [24, p.42]. Тем не менее мы имеем несколько резонансных концепций, в известной степени ставящих под сомнение этот тезис, как например, работы Лэнгдона Уиннера (Langdon Winner) [25], которые продолжают будоражить академическое сообщество. Как пишет Тсьяллинг Свирстра (Tsjalling Swierstra), хотя и очевидно, что границы морального сообщества расширились со времен Античности (ведь когда-то «женщины, рабы и чужаки были в значительной степени или полностью лишены моральных прав»), но наблюдаемая тенденция, направленная на то чтобы в той же парадигме предоставить вещам доступ к моральному сообществу, кажется чрезмерной с позиции обоих доминирующих этических подходов: деонтологии и консеквенциализма [26, p.317]. В то же время в основу генеральной линии этической рефлексии технологии, которую явственно можно увидеть в концепциях как Петера-Поля Вербека, так и Джозефа Питта, положена мысль, что тезис об абсолютной ценностной нейтральности технологией в том виде, в каком он был нами выше воспроизведен, является слишком категоричным.

Так, Петер-Поль Вербек заключает, что «технологии имеют моральное значение и что этике необходимо расширить свой “гуманистический фокус”, чтобы принять это во внимание, и поднять вопрос, как концептуализировать этику технологии» [24, p.41]. В свою очередь, Джозеф Питт в конечном счете также склоняется к постулату, что технологии содержат в себе ценностный компонент, ибо они «являются результатом человеческих решений и поскольку человеческие решения являются отражением человеческих ценностей, понимаемых как мотивы достижения определенного предпочтительного положения дел» [23, p.102]. Одновременно он делает чрезвычайно важную оговорку, что, несмотря на свое несомненное значе-

ние для опровержения строгой версии ценностной нейтральности технологий, такой вывод дает нам мало существенного для концептуализации этики технологий, поскольку «в создание технологий включено множество людей». Иными словами, даже если мы понимаем, что технологии отражают в себе ценности каких-то людей, ответить на вопросы о том, кто эти люди, кого включать в их круг, как методологически обосновано рафинировать этот коллектив до объема, хотя бы относительно пригодного для верифицируемого изучения его ценностных ориентацией, — весьма затруднительно, а при условии включения в объект анализа не только создателей технологии, но и стейкхолдеров, — и вовсе невозможно. Тем не менее даже эти не столь прочные, как хотелось бы, основания позволяют констатировать очевидную необходимость этической рефлексии цифровизации. Более того, увидеть логику ее развертывания не в экспликации цифровой этики как новой морали, а в переосмыслении знакомых нам теоретической и прикладной этик в условиях, когда существенный сегмент ценностно окрашенных человеческих интеракций подвергается все более расширяющейся оцифровке.

Итак, проведенный анализ позволяет нам сделать несколько выводов. Во-первых, цифровое общество представляет собой специфическую, но тем не менее реализующую себя в рамках прежней системы социально-экономических отношений модель. Помимо формальных характеристик, как то: постепенное завоевание информацией статуса основного сырья новой эпохи, его субстанциональными качествами являются суперсвязанность и скорость. Во-вторых, цифровая экспансия неизбежно в ходе захвата все новых и новых сегментов социальных отношений будет стимулировать в них развитие небалансных состояний. Основным двигателем преодоления разбалансированности видится коммунальный конфликт, т. е. конфликт, не обладающий потенциалом структурного кризиса и не предполагающий пересмотр базового социально-экономического консенсуса. В своей наиболее выраженной форме это будет борьба между сторонниками и противниками цифровизации или, в терминологии Антона Иванова, «цифровыми адептами» и «цифровыми отзовистами». Внешне производя впечатление агрессивной и антагонистической, в своем действительном пространственном развертывании эта схватка, вероятнее всего, будет достаточно эластичной, для того чтобы вместить большое количество компромиссных вариантов урегулирования. В-третьих, одним из значимых последствий данных конфликтов, ведущих к новому балансу, будет формирование «цифровой этики» как новой интерпретации классических этических моделей в отношении подвергшихся оцифровке социальных процессов. Наконец, в-четвертых, скорость изменений, их алокальность будут способствовать развитию, а впоследствии и доминированию, более гибких, чем государственно-правовые регуляторы, форм этической институционализации результата инноваций.

Литература

1. Redshaw, T. (2020), What is Digital Society? Reflections on the aims and purpose of digital sociology, *Sociology*, vol. 54(2), pp. 425–431. <https://doi.org/10.1177/0038038519880114>
2. Beck, U. (1992), *Risk Society: Towards a New Modernity*, London: Sage Publ.
3. Aleinikov, A. V., Sunami, A. N. and Shiraev, E. (2021), Risk studies at St. Petersburg State University: From tradition to new challenges, *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 37, is. 4, pp. 657–671. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.407>

4. Chayko, M. (2016), *Superconnected: The Internet, digital media, and techno-social life*, Thousand Oaks: Sage Publishing.
5. Walker, M., Fleming, P. and Berti, M. (2021), 'You can't pick up a phone and talk to someone': How algorithms function as biopower in the gig economy, *Organization*, vol. 28 (1), pp. 26–43. <https://doi.org/10.1177/1350508420978831>
6. Elmholdt, K. T., Elmholdt, C. and Haahr, L. (2021), Counting sleep: Ambiguity, aspirational control and the politics of digital self-tracking at work, *Organization*, vol. 28 (1), pp. 164–185. <https://doi.org/10.1177/1350508420970475>
7. Lammi, I. J. (2021), Automating to control: The unexpected consequences of modern automated work delivery in practice, *Organization*, vol. 28(1), pp. 115–131. <https://doi.org/10.1177/1350508420968179>
8. Фуко, М. (1999), *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*, М.: Ad Marginem.
9. Castells, M. (1996), *The Network Society*, Chichester: Wiley-Blackwell.
10. Wajcman, J. and Dodd, N. (eds) (2017), *The Sociology of Speed*, Oxford: Oxford University Press.
11. Fuchs, C. (2009), A contribution to the critique of the political economy of transnational informational capitalism, *Rethinking Marxism*, vol. 21, pp. 387–402. <https://doi.org/10.1080/08935690902955104>
12. Schiller, D. (1999), *Digital capitalism*, Cambridge: MIT Press.
13. Dawson, M. and Foster, J. B. (1996), Virtual capitalism: The political economy of the information highway, *Monthly Review*, vol. 48 (3), pp. 40–58. https://doi.org/10.14452/MR-048-03-1996-07_3
14. Науменко, Т. В. (2020), Информациональное/глобальное в понимании Мануэлем Кастельсом современного общества, *Информационное общество*, № 1, с. 34–42.
15. Кастельс, М. (2000), *Информационная эпоха. Экономика, общество, культура*, М.: Высшая школа экономики.
16. Bostrom, N. and Circovic, M. M. (eds) (2011), *Global catastrophic risks*, Oxford: Oxford University Press.
17. Parsons, T. (1971), *The system of modern societies*, New Jersey: Prentice Hall.
18. Attwood, F. (2017), *Sex Media*, Cambridge: Polity.
19. Simpson, G. (1937), *Conflict and community: a study theory*, New York: T. S. Simpson.
20. Aleinikov, A. V., Maltseva, D. A. and Sunami, A. N. (2020), Information Management of the Risks and Threats of the Covid-19 Pandemic, *Scientific and Technical Information Processing*, vol. 47 (3), pp. 200–206. <https://doi.org/10.3103/S0147688220030090>
21. Иванов, А. А. (2021), Цифровая этика и право, *Закон*, № 4, с. 67–73.
22. Mišić, J. (2021), Ethics and governance in the digital age, *European View*, vol. 20 (2), pp. 175–181. <https://doi.org/10.1177/17816858211061793>
23. Pitt, J. C. (2014), "Guns Don't Kill, People Kill"; Values in and/or Around Technologies, in: Kroes, P. and Verbeek, P.-P. (eds) *The moral status of technical artefacts. Philosophy of engineering and technology*, Berlin: Springer, pp. 89–102. https://doi.org/10.1007/978-94-007-7914-3_6
24. Verbeek, P.-P. (2011), *Moralizing Technology: Understanding and Designing the Morality of Things*, Chicago: University of Chicago Press.
25. Winner, L. (1980), Do artifacts have politics? *Daedalus*, vol. 109 (1), pp. 121–136.
26. Swierstra, T. (1999), Moeten artefacten moreel gerehabiliteerd? *К&М: Tijdschrift voor Empirische Filosofie*, no. 4, pp. 317–326.

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2022 г.;
рекомендована к печати 15 апреля 2023 г.

Контактная информация:

Сунами Артем Николаевич — канд. полит. наук, доц.; a.sunami@spbu.ru

Ethics of “Digital Society”: New Conflict or New Balance*

A. N. Sunami

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Sunami A. N. Ethics of “Digital Society”: New Conflict or New Balance. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 3, pp. 544–556. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.311> (In Russian)

The article examines the conflict and balance perspectives of ethical reflection on the digitalization challenges. Based on digital society conceptions by Manuel Castells, Tom Redshaw, Mary Chayko, the theory of communal and non-communal conflicts by George Simpson, the ethics of technology by Joseph Pitt and Peter-Paul Verbeek, the author suggests that the digital society is indeed a specific model of social relations with an ever-increasing connectedness and speed of exchange, which, nevertheless, realizes itself in the previously established and essentially unchanged socio-economic structure. At the same time, the consistently expanding digital intervention in the space of value interactions makes ethical reflection of digitalization necessary, which should realize itself not as an explication of digital ethics as a new morality, but by adapting the already existing body of theoretical and applied ethics to the conditions of the digital age. In this context, the article focuses to the conflict of values as the dominant way for ethical positions updating and a new moral balance achieving in order to effectively absorb the contradictions caused by digitalization. The article shows that such conflicts are communal; the options for their deployment do not contain a scenario of a structural crisis, due to the sufficient elasticity of the zone of disagreement, which makes it possible to accommodate a large number of compromise settlement strategies. On the basis of the identified substantial characteristics of the digital society, the author concludes that the speed of changes, the lack of localization, will contribute to the ethical institutionalization of the innovations results as a more flexible form of regulation.

Keywords: digitalization, digital society, moral, ethics, digital ethics, conflict of values.

References

1. Redshaw, T. (2020), What is Digital Society? Reflections on the aims and purpose of digital sociology, *Sociology*, vol. 54(2), pp. 425–431. <https://doi.org/10.1177/0038038519880114>
2. Beck, U. (1992), *Risk Society: Towards a New Modernity*, London: Sage Publ.
3. Aleinikov, A. V., Sunami, A. N. and Shiraev, E. (2021), Risk studies at St. Petersburg State University: From tradition to new challenges, *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 37, is. 4, pp. 657–671. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.407>
4. Chayko, M. (2016), *Superconnected: The Internet, digital media, and techno-social life*, Thousand Oaks: Sage Publishing.
5. Walker, M., Fleming, P. and Berti, M. (2021), ‘You can’t pick up a phone and talk to someone’: How algorithms function as biopower in the gig economy, *Organization*, vol. 28 (1), pp. 26–43. <https://doi.org/10.1177/1350508420978831>
6. Elmholdt, K. T., Elmholdt, C. and Haahr, L. (2021), Counting sleep: Ambiguity, aspirational control and the politics of digital self-tracking at work. *Organization*, vol. 28 (1), pp. 164–185. <https://doi.org/10.1177/1350508420970475>
7. Lammi, I. J. (2021), Automating to control: The unexpected consequences of modern automated work delivery in practice, *Organization*, vol. 28(1), pp. 115–131. <https://doi.org/10.1177/1350508420968179>
8. Foucault, M. (1999), *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russian)

---

* This work was supported by the grant no. 23-28-00220 funded by the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/23-28-00220/>

9. Castells, M. (1996), *The Network Society*, Chichester: Wiley-Blackwell.
10. Wajcman, J. and Dodd, N. (eds) (2017), *The Sociology of Speed*, Oxford: Oxford University Press.
11. Fuchs, C. (2009), A contribution to the critique of the political economy of transnational informational capitalism, *Rethinking Marxism*, vol. 21, pp. 387–402. <https://doi.org/10.1080/08935690902955104>
12. Schiller, D. (1999), *Digital capitalism*, Cambridge: MIT Press.
13. Dawson, M. and Foster, J. B. (1996), Virtual capitalism: The political economy of the information highway, *Monthly Review*, vol. 48 (3), pp. 40–58. https://doi.org/10.14452/MR-048-03-1996-07_3
14. Naumenko, T. V. (2020), Informational/global in understanding of modern society by Manuel Castells, *Information Society*, no. 1, pp. 34–42. (In Russian)
15. Castells, M. (2000), *The Information Age: economy, society and culture*, Moscow: HSE Publishing House. (In Russian)
16. Bostrom, N. and Circovic, M. M. (eds) (2011), *Global catastrophic risks*. Oxford: Oxford University Press.
17. Parsons, T. (1971), *The system of modern societies*, New Jersey: Prentice Hall.
18. Attwood, F. (2017), *Sex Media*, Cambridge: Polity.
19. Simpson, G. (1937), *Conflict and community: a study theory*, New York: T. S. Simpson.
20. Aleinikov, A. V., Maltseva, D. A. and Sunami, A. N. (2020), Information Management of the Risks and Threats of the Covid-19 Pandemic, *Scientific and Technical Information Processing*, vol. 47 (3), pp. 200–206. <https://doi.org/10.3103/S0147688220030090>
21. Ivanov, A. A. (2021), Digital ethics and law, *Zakon*, vol. 4, pp. 67–73. (In Russian)
22. Mišić, J. (2021), Ethics and governance in the digital age, *European View*, vol. 20(2), pp. 175–181. <https://doi.org/10.1177/17816858211061793>
23. Pitt, J. C. (2014), “Guns Don’t Kill, People Kill”; Values in and/or Around Technologies, in: Kroes, P. and Verbeek, P.-P. (eds), *The moral status of technical artefacts. Philosophy of engineering and technology*, Berlin: Springer, pp. 89–102. https://doi.org/10.1007/978-94-007-7914-3_6
24. Verbeek, P.-P. (2011), *Moralizing Technology: Understanding and Designing the Morality of Things*, Chicago: University of Chicago Press.
25. Winner, L. (1980), Do artifacts have politics? *Daedalus*, vol. 109 (1), pp. 121–136.
26. Swierstra, T. (1999), Moeten artefacten moreel gerehabiliteerd? *K&M: Tijdschrift voor Empirische Filosofie*, no. 4, pp. 317–326.

Received: September 20, 2022

Accepted: April 15, 2023

Author’s information:

Artem N. Sunami — PhD in Political Sciences, Associate Professor; a.sunami@spbu.ru